

Близко сердцу современного слушателя

120-летие со дня рождения Александра Константиновича Глазунова, имя которого дорого всем любящим русскую культуру, Московская консерватория отметила большим концертом. Ясная, благородная и возвышенная музыка композитора, утвердившего свой идеал прекрасного в искусстве, оказалась особенно близкой сердцу современного слушателя.

В концерте возникала атмосфера, удивительным образом переключаясь с музыкой Глазунова, — серьезность и теплота, задушевность, особая внутренняя интеллигентность. В создание общего настроения, царившего в зале, каждый из участников внес свою лепту.

Тон всему задало глубокое и живое вступительное слово проф.

А. И. Кандинского, подчеркнувшего демократизм взглядов Глазунова, обаяние его личности, феноменальную одаренность, особую роль в музыкальной культуре как живой связи русской дооктябрьской музыки и музыки нового времени. Глазунов предстал как композитор, в творчестве которого проявилась «стихия, мощь, вдохновение чисто музыкальной красоты и сила интеллектуализма».

Интересно подобранная, разнообразная программа, включившая Восьмую симфонию, Скрипичный концерт и сюиту из «Раймонды», показала музыку Глазунова в различных ее гранях.

С большим мастерством исполнили скрипичный концерт заслуженный артист РСФСР Андрей

Корсаков и лауреат международного конкурса, лауреат премии Ленинского комсомола симфонический оркестр Московской консерватории под управлением народного артиста Казахской ССР и Татарской АССР проф. Ф. Ш. Мансурова.

Студенческий оркестр под его руководством внес в настроение вечера романтическую ноту и еще раз продемонстрировал ряд своих достоинств, среди которых — мягкое, благородное звучание как в прозрачных эпизодах, так и в полноразвучных «тутти». Особенно хороша у оркестра была кантилена Глазунова с ее постоянными нарастаниями и спадами, «дышашей» фактурой, завораживающей пластичностью. В лирические эпизоды симфонии, сюиты

из «Раймонды» оркестранты привнесли подкупающую непосредственность юности — светлой, восторженной и искренней. Эта искренность искупала те не до конца преодоленные трудности, которые выдвигает, например, музыка Восьмой симфонии — сложного «памятника звуковой архитектуры».

Если в исполнении симфонии все же возникали некоторые «но» (в частности, не было глубокого трагедийного пафоса во второй части, слишком благодушно звучало «змеиное» скерцо), то балетная сюита удалась отменно. Она была сыграна ярко, контрастно, цельно и с вдохновением.

Вечер явился искренней данью памяти замечательного музыканта.

Л. Д. НИКИТИНА,
доцент.

Сов. музыкальный, 1985, 12 номер